Образование

Школьный литературный канон в системе китайской средней школы высшей ступени

© 2019

Ю.А. Дрейзис

В статье дано описание состава школьного литературного канона в том виде, как он представлен в официально санкционированных образовательных пособиях для средней школы высшей ступени (*гаочжун*) КНР. В настоящее время Китай проводит беспрецедентную общенациональную реформу учебной программы для школьного образования (К-12). В результате меняется и состав школьного литературного канона, который отражает важные изменения в соотношении фюкса и периферии.

Ключевые слова: китайская литература, китайская поэзия, литературная политика, литературный рынок, современная литература.

DOI: 10.31857/S013128120007992-2

В настоящее время КНР проводит беспрецедентную общенациональную реформу учебной программы для школьного образования (К-12), в которой участвуют 474 тыс. школ, 10 млн учителей и 200 млн учащихся¹. Новая национальная учебная программа резко смещается в сторону от традиционных китайских образовательных ценностей и практик². Часть преобразований связана с трансформированием традиционного школьного канона.

Под «школьным канон» мы, вслед за М.Г. Павловцом, будем понимать устоявшийся перечень обязательных к изучению на основном и заключительном этапе школьного образования произведений литературы, далеко не всегда оформленный в виде отдельного списка, но более или менее стабильный в силу известной инерции самой образовательной системы³. Как показал Рудольф Кюнцли, школьный канон носит вторичный характер по отношению к примарному культурному канону, являясь функциональным, пропедевтическим извлечением из него, чья функция — обеспечивать совместное участие разных поколений в культурной жизни, служить основным компонентом культурной инициации⁴.

В старших классах всех школ КНР обязательны для изучения пять пособий по литературе, которые охватывают такие темы, как древнекитайская литература, поэзия и проза малой формы, классические китайские романы, литературно-критическая статья

Дрейзис Юлия Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры китайской филологии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: xiaoyouliya@gmail.com.

и знаменитые произведения зарубежной литературы. Кроме обязательных, существуют и дополнительные учебники — обычно преподаватель выбирает из списка три-пять книг по своему усмотрению⁵. Ученики могут более детально познакомиться с классическими философскими текстами традиции, традиционным стихосложением, иностранной прозой, драмой, фольклорными текстами, сценариями известных фильмов или современной поэзией.

При этом изучение литературы в школе устроено по совершенно иному принципу, чем, например, в России. Во-первых, преподавание китайского языка не отделено от литературы, поэтому на уроках разбор литературных текстов перемежается разговорами о классическом китайском языке, использовании фразеологизмов и неологизмов, параллельных конструкций и т.п.⁶ Во-вторых, изучение текстов устроено не по хронологическому, а по тематическому принципу — в одном уроке проходят, например, фрагменты «Обиды Доу Э» (*Доу Э юань*), классической китайской пьесы XIII века, трагедии «Гроза» Цао Юя (*Лэйюй*, 1934) и «Гамлета». Китайской литературы ощутимо больше, чем иностранной — кроме Шекспира, китайские школьники в обязательном порядке читают только «Дон Кихота», «Дэвида Копперфильда» и «Собор Парижской Богоматери».

Что же входит в современный китайский школьный канон? Первый большой блок текстов — это поэтические, исторические и философские тексты традиции. Главный из них, как и две тысячи лет назад, — «Ши цзин», Канон поэзии, или Книга песен. Это самая древняя антология китайской поэзии, в качестве канона входящая в конфуцианские своды классической литературы. «Ши цзин» оказал колоссальное влияние на китайскую литературу последующих столетий, причем далеко не только на одну поэзию⁷. В «Ши цзине» были использованы выразительные средства, которые возвела в канон позднейшая филологическая традиция. Логичной парой к «Ши-цзину» выглядит поэма «Скорбь отлучённого» (*Ли сао*), которая существует по-русски в нескольких переводах, в том числе в переводе Ахматовой⁸. «Ли сао» — текст из древнекитайского свода «Чуские строфы» (*Чу цы*), представляющего поэтическую традицию южных регионов Древнего Китая, в отличие от «северного» «Ши цзина»⁹. Текст поэмы устойчиво приписывается полубогатому поэту Цюй Юаню — фигуре, поднятой на щит китайского национализма в качестве поэта-«патриота», покончившего жизнь самоубийством, будучи не в силах помочь своей родине.

К этим текстам примыкает самое крупное произведение среди народных (или псевдонародных) песен балладного типа — «Павлины летят на юго-восток» (*Кунцюэ дун нань фэй*). Оно датируется серединой III или началом VI века, но рассказывает о событиях конца эпохи Хань, т.е. рубежа II—III вв. Это история трагической любви молодого чиновника Цзяо Чжунцина и его жены Лю Ланьчжи. Удивительно напоминающие историю любви Ромео и Джульетты, «Павлины» резко выделяются среди народных песен своими художественными достоинствами — они были заново открыты в первой половине прошлого века и изрядно осовременены благодаря многочисленным толкованиям¹⁰.

Из прозаических текстов древности в обязательную программу входят фрагменты «Цзо чжуань», «Планов сражающихся царств» (*Чжаньго цэ*) и двух философских сочинений-антагонистов — «Мэн-цзы» и «Сюнь-цзы». Первые два текста составлены по материалам летописей разных древнекитайских царств. Они призваны служить источниками поучительных исторических анекдотов, при том что характерная черта идеологии «Планов» — это оправдание политического утилитаризма, допускающего обман и насилие. В школьную программу включены исключительно идеологически выдержанные фрагменты. Их дополняют биографии из «Исторических записок» Сыма Цяня (*Ши цзи*), памятника, оказавшего наибольшее влияние на традицию классической прозы — первого в Китае энциклопедического произведения, построенного по историко-биографическому принципу¹¹. Кроме того, у школьников есть возможность познакомиться с критическим сочинением Цзя И (III—II вв. до н.э.) «Об ошибках Цинь» (*Го Цинь лунь*), в

котором он рассуждает о закономерности краха первой китайской империи, основанной на идее жесткого государственного контроля без заботы о народном благосостоянии.

Поскольку все эти тексты написаны на классическом языке, читать их без специальной подготовки невозможно. В учебниках они снабжены переводом на современный язык и обширным комментарием, однако, чтобы разобраться в них, все равно требуется время. Именно поэтому китайские школьники читают на уроках только одну главу из «Лунь Юя», главной книги Конфуция, и только два фрагмента из даосского трактата «Чжуан-цзы». В дополнительном курсе о китайской философии они могут также познакомиться с частями «Дао дэ цзина», «Мо-цзы» и «Хань Фэй-цзы».

Литература китайских Средних веков продолжает быть написанной на классическом языке и отделенной от школьника барьером непонимания. Поэтому знакомство с ней в рамках обязательной программы выглядит очень ограниченным: из прозаических текстов здесь есть, например, «Предисловие к сборнику “Павильон орхидей”» (*Лань тин сюй*, IV в.) великого каллиграфа Ван Сичжи. Это художественный манифест, в котором выражается взгляд на творчество как порождение и воплощение порыва вдохновения; сам «Павильон орхидей» — едва ли не первый сборник китайской пейзажной лирики. Кроме Ван Сичжи, школьники читают эссе одного из главных конфуцианских ортодоксов Хань Юя (VIII–IX вв.) «Речи учителя» (*Ши шо*), тексты реформатора Ван Аньши (XI в.), который проводил преобразования, направленные на усиление госконтроля над экономикой и общественной жизнью, и его идеологического противника — Су Дунпо. Например, знаменитую «Оду о Красной скале» (*Чи би фу*), где описывается путешествие к месту легендарной битвы времён Троецарствия. Преследуемый при жизни, Су Ши (Су Дунпо) на протяжении столетий составлял фигуру наивысшего авторитета для всего образованного сословия, а к XIV в. эстетические взгляды Су Ши стали почти каноническими. В школьную программу вошли также эссе отца Су Ши, Су Сюня, и их общего учителя Оуян Сю, а также Лю Цзунъюаня (VIII–IX вв.), главного идеолога движения за «возврат к древности» (*фу гу*). Один из «восьми великих литераторов эпох Тан и Сун» (*Тан Сун ба да цзя*), в литературе Лю ратовал за возврат к простоте и естественности древних памятников. Однако простота созданного им формата обманчива — она все равно основана на искусственности, и тексты классической бессюжетной прозы нуждаются в разборе в той же степени, как более ранние тексты философских памятников¹².

То же самое можно сказать и о классической поэзии. Преимущество этих произведений — в их компактности и в том, что они давно разошлись на цитаты, пронизывающие всю культуру. Китайским школьникам знакомы все «большие имена» традиции — Тао Юаньмин (IV–V вв.), Ван Вэй, Ли Бо, Ду Фу (VIII в.), Бо Цзюйи (VIII–IX вв.), Ли Шаньбинь (IX в.). Особый раздел посвящен жанру городского «романса» (*цзы*) — форме, которая окончательно вошла в канон только к XI веку стараниями того же Су Дунпо. Литература «серебряного века» китайской поэзии (в отличие от «золотого века» — Тан) в учебниках представлена почти исключительно романсами-*цзы*, хотя в реальности разнообразие ее было намного больше. Это способствует закреплению расхожих представлений о том, что одной большой эпохе соответствует один формат: Тан — «уставной стих» (*ши*), Сун — романс, Юань — ария-*цуй*, а более поздние династии Мин и Цин — царство драмы и крупной сюжетной прозы. Из мастеров романса-*цзы* китайские школьники читают Су Дунпо, Лю Юна (X–XI вв.), Синь Цицзи (XII–XIII вв.) и Ли Цинчжао (XI–XII вв.), единственную по-настоящему известную поэтессу китайской традиции.

Задача уместить несколько тысячелетий непрерывной литературной традиции в пять учебников, конечно, создает ситуацию, при которой значительная часть этой традиции оказывается за бортом обсуждения. Из нее выпадают поэты совсем раннего Средневековья, много сделавшие для развития философской и пейзажной лирики, а также просодии китайского стиха: Жуань Цзи (III в.), Бао Чжао (V в.), Шэнь Юэ (V–

VI вв.) и другие. Кроме них оказываются «сброшенными с корабля современности» и менее крупные имена «золотого века» — мастер пейзажной зарисовки Мэн Хаожань (VII–VIII вв.), «китайский Малларме» Ли Хэ (VIII–IX вв.), адепт любовной лирики Ду Му (IX в.), Чжан Жосюй (VII–VIII вв.), Гао Ши (VIII в.), Вэнь Тинъюнь (IX в.), Вэй Чжуан (IX–X вв.). Компанию им составляют сунские авторы — Чжоу Банъянь (XI–XII вв.), Лу Ю (XII–XIII вв.), Цзян Куй, — и известнейший автор романсов, последний император поверженной Тан, Ли Юй (X в.). Справедливости ради нужно сказать, что их стихи можно прочесть в одном из дополнительных учебников по выбору учителя: там также есть немного поэзии времен монгольского правления, один автор из XVI века, один из XIX века и одно стихотворение выдающегося маньчжурского поэта Нара Синде (кит. Налань Синдэ, XVII в.). Точно так же в дополнительном учебнике о китайской эссеистике возникают незаслуженно забытые фигуры Ван Бо (VII в.), Яо Ная (1731–1815), Гун Цычжэня (1792–1841).

Проигнорировав всю линию развития сюжетной прозы вплоть до XIV века, китайские учебники принимают дальше сразу за многоглавые романы традиции, каждому из которых с легкостью можно посвятить по учебнику. Школьники читают отдельные главы из «Троецарствия» (*Саньго яньи*, XIV в.), «Речных заводей» (*Шуйху чжуань*) и «Сна в красном тереме» (*Хун лоу мэн*, XVIII в.). «Путешествие на Запад» (*Си ю цзи*, XVI в.) изгнано из обязательной программы то ли в силу своей чрезмерной развлекательности, то ли из-за неприкрытой религиозной пропаганды, а «Цветы сливы в золотой вазе» (*Цзинь пин мэй*, XVII в.) — по очевидной причине эротического содержания. В дополнительном учебнике по сюжетной прозе «Путешествие на Запад» восстановлено в своих правах, кроме того, там возникают «Рассказы Ляо Чжая о необычайном» (*Ляо Чжай чжи и*, XVIII в.) — пожалуй, самый известный китайский сборник рассказов об удивительном (школьники читают одну новеллу). Наконец, там есть и «китайский Бокаччо» Фэн Мэнлун со своим сборником «Троеслобие» (*Сань янь*, XVII в.) и повестью о несчастной любви куртизанки Ду Шинян. Завершают этот славный ряд роман У Цзинцзы «Неофициальная история конфуцианцев» (*Жулинь вайши*, XVIII в.) и произведение Ли Баоцзя «Наше чиновничество» (*Гуаньчан сяньсин цзи*, 1901–1906). Ли — родоначальник просветительской «обличительной» прозы, которая перебрасывает мостик в новое столетие.

Китайская классическая драма представлена на страницах только одного учебника — это несколько сцен из известнейших пьес «Западный флигель» (*Си сян цзи*, XIV в.), «Пионовая беседа» (*Мудань тин*, XVI в.) и финальная ария из «Веера с персиковыми цветами» (*Таохуа шань*, XVIII в.). Каждая из этих пьес — очень значимое произведение, которое оказало колоссальное влияние на литературный мир своего времени. Читать их сложно опять-таки потому, что они написаны не на современном языке и нуждаются в комментариях для тех, кто выключен из общего контекста культуры китайских интеллектуалов — создателей всей поэтической традиции как интегральной части жизни образованной элиты.

Новая китайская драматургия — это прежде всего отец социальной драмы Цао Юй (1910–1996), Ся Янь (1900–1995) и Лао Шэ (1899–1966). Его пьеса «Чайная» (*Чагуань*, 1957), подвергнутая резкой критике в годы «культурной революции», в трех актах воссоздает на крошечном пространстве пекинской чайной три переломных этапа в истории китайского общества. Меняются декорации, главные герои, судьбы, неизменным остается только объявление на стене «Говорить о политике воспрещается!», которое год от года становится только крупнее и ярче. Кроме «Чайной», школьники читают отрывки из романа Лао Шэ «Рикша» (в оригинале — «Верблюд-счастливчик» *Лото сянцизы*, 1937). Самая известная в России книга Лао Шэ — гротескная антиутопия «Записки о кошачьем городе» (*Мао чэн цзи*, 1933) — не включена в школьную программу.

Разговор о китайской прозе XX века открывает обращение к творчеству самого главного прозаика прошедшего столетия, одного из основоположников литературы на современном языке — Лу Синя (1881–1936). Страстный поклонник Гоголя, переведивший «Мертвые души» на китайский, Лу Синь интересовался марксизмом и редактировал нескольких левых журналов, но в Компартию был принят лишь посмертно. На его гробнице красуется каллиграфическая надпись, сделанная Мао Цзэдуном, который был большим почитателем творчества Лу Синя. Нобелевский лауреат по литературе Кэндзабуро Оэ назвал Лу Синя «величайшим писателем Азии в двадцатом веке»¹³. Школьники читают его эссе и рассказ «Моление о счастье» (*Чжу фу*, 1924) — за свою жизнь писатель не успел создать ни одного прозаического произведения относительно крупной формы. Некоторые из его сочинений в настоящее время являются частью обязательной учебной программы начальной и средней школы КНР¹⁴, но в 2007 году отдельные наиболее мрачные работы были изъяты из школьных учебников. Джулия Ловелл, переводчик Лу Синя на английский язык, высказывает предположение, что «возможно, это была попытка отвлечь сегодняшнюю молодежь от неудобной привычки Лу Синя повсюду искать проблемы»¹⁵.

За Лу Сином последовала целая плеяда талантливых прозаиков: член Лиги левых писателей, будущий министр культуры КНР Мао Дунь (1896–1981), тонкий мастер новеллы Шэнь Цунвэнь (1902–1988), автор семейных эпопей анархист Ба Цзинь (1904–2005) и другие. Большинство из них сильно пострадали в годы «культурной революции», и их произведения долгие годы были под запретом. Каждый из них много сделал для расширения пространства литературы материкового Китая. Мао Дунь пропагандировал творчество Эрнеста Хемингуэя, Томаса Манна, болгарского классика Ивана Вазова и ввел в китайскую литературу «поток сознания». Его роман «Перед рассветом» (*Цзы е*, 1933), с которым знакомятся школьники, стал одним из главных завоеваний новейшей китайской литературы, первым образцом социальной эпопеи. Ба Цзинь активно занимался переводами, главным образом русской литературы, причем особенно близко ему было творчество Тургенева. Он перевел также часть книги «Былое и думы». Еще один левоориентированный автор, Юй Дафу (1895–1945), переводил на китайский Максима Горького.

Вполне естественно, что в школьный канон практически не попали авторы, не входившие в Лигу левых писателей или не связанные с левыми изданиями. Редкое исключение — это Лян Шицю (1903–1987), яростный оппонент Лу Синя в дискуссии о функции литературы и сторонник Гоминьдана, эмигрировавший на Тайвань. Эссеист и поэт Чжу Цзыцин (1898–1948) — пример фигуры, равно принятой и на Тайване, и в КНР; вместе с Сюй Чжимо он был одним из немногих писателей, разрешенных к публикации во время «Белого террора» на Тайване (оба умерли до образования КНР и никогда не симпатизировали левым идеям). Кроме сюжетной прозы, школьники читают эссе признанных мастеров формата — Линь Юйтана (1895–1976), Фэн Цыкая (1898–1975), Ши Тешэна (1951–2010), Линь Яодэ (р. 1962).

Единственная женщина среди писателей первой половины XX века — Сяо Хун (1911–1942). Совокупное литературное наследие Сяо Хун насчитывает около миллиона иероглифов, она известна как одна из «четырёх талантливейших женщин Республики» наряду с Люй Бичэн (1883–1943), Чжан Айлин (1920–1995) и Ши Пинмэй (1902–1928) (ни одна из них не вошла в школьную программу). Блестящий прозаик и тонкий поэт, любимая ученица Лу Синя, Сяо Хун много писала о положении женщины в китайском обществе. Ее линию в современности продолжает писательница Ван Аньи (р. 1954) с главами из романа «Песнь о бесконечной тоске» (*Чан хэнь гэ*, 1995). Кроме Ван, из новейшей литературы школьники знакомятся с эссе Ван Цзэнци (1920–1997) о традиционных пекинских *хутунах*, «Кланом красного гаоляна» (*Хун гаолян цзяцзу*, 1986) нобелевского лауреата Мо Яня (р. 1955) и популярным прозаиком Чэнь Чжунши (р. 1942), чей

роман «Равнина белого оленя» (*Бай лу юань*, 1993) завоевал множество призов, в том числе литературную премию Мао Дуня, и был экранизирован в 2017 г. в виде многосерийного фильма. Нашлось здесь место и для ультрапопулярных тревелогов Юй Цююя (р. 1946). Юй — одна из самых известных общественных фигур в современной КНР. Его исследования культуры связывают традиционно китайское с общемировым, а его смелая и прямая критика некоторых культурных явлений вызывает и почитание, и отторжение.

Из «больших имен» второй половины XX века в программе нет ни Чжан Айлин, ни Лу Лин (1923–1994), ни Цянь Чжуншу (1910–1998), ни брата Лу Синя Чжоу Цзюжэня (1885–1967), который и на Тайване заклеен как коллаборационист и военный преступник. Нет ни китайских авангардистов, ни литераторов направления «поиска корней». Зато есть Чжао Шули (1906–1970) — самый успешный автор, вышедший из кузницы революционных кадров в Яньани. Уроженец провинции Шаньси, Чжао получил самую высокую оценку от живого классика Мао Дуня¹⁶; его работы были поданы на щит как «народная литература», написанная в «национальной форме». «Направление Чжао Шули» — термин, введенный в 1946 году, — представляло собой новую парадигму соцреализма и вдохновило множество последователей. Компанию Чжао составляют патриотически настроенные поэты из группы «Июль» (*Циюэ пай*), чей расцвет пришелся на годы войны с Японией, и роман Лу Яо «Обыкновенный мир» (1949–1992) о политике реформ и открытости.

Кроме того, китайские школьники читают стихи Мао Цзэдуна и Ай Цина (1910–1996), отца художника Ай Вэйвэя. С 1929 по 1932 г. Ай учился во Франции; он вернулся в Китай и практически сразу был арестован за выступление против Гоминьдана. Уже при Мао Ай Цин был отправлен в ссылку в Манчжурию за критику подавления свободы слова в первые годы КНР. В течение шестнадцати лет его работой была чистка деревенских общественных туалетов. Стихи Ай Цина не печатались вплоть до реабилитации в 1978 году. Ай Цин, внесший значительный вклад в развитие свободного стиха, испытал серьезное влияние Верхарна, Уитмена, Маяковского.

Из отдельного учебника о современной поэзии китайские школьники могут узнать о существовании и других авторов — например, Вэнь Идо (1899–1946), выдающегося экспериментатора, убитого тайными агентами Чан Кайши за критику авторитарных порядков, устанавливаемых националистами. Или Го Можо (1892–1978) — первого президента Академии наук КНР, лауреата Международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами», одного из первых поэтов, кто начал писать стихи на разговорном языке. В книге о поэзии есть даже авторы с Тайваня, изгнанные со страниц остальных учебников, как и писатели диаспоры. Это Ясянь (р. 1932) и выдающийся поэт Юй Гуанчжун (1928–2017).

Вообще учебник о поэзии выглядит наиболее демократичным из всех изданий — в нем есть и авторы первой половины XX века, далеко не только левоориентированные (Сюй Чжимо (1897–1931), Дай Ваншу (1905–1950), Му Дань (1918–1977), Чжэн Минь (р.1920)), а также те, кто стал склоняться влево в годы войны — Ли Гуантянь (1906–1968), Бянь Чжилин (1910–2000), Хэ Цифан (1912–1977). Все это признанные мастера современной китайской поэзии, так же, как и идеологический соратник Ай Цина Цзан Кэцзя (1905–2004). Но самое удивительное то, что в книгу о поэзии включены и известные авторы постмаоистского Китая — трагически ушедший из жизни поэт Хайцзы (1964–1989), женский голос «туманной поэзии» (*мэнлун ши*), поэтесса Шу Тин (р. 1952), Шичжи (р. 1948), который воплотил в поэзии коллективный опыт поколения отправленных на перевоспитание детей интеллигенции, и даже Лян Сяобинь (р. 1954) с его знаменитым стихотворением об утраченной молодости «Китай, я потерял свой ключ» (*Чжунго, водэ яоши дюлэ*, 1980). В тот же раздел помещен уроженец родной провинции Мао Цзэдуна Чан Яо (1936–2000), который прошел Корейскую войну в рядах Народно-освободительной армии. В 1957 г. его как правоуклониста отправили на перевоспитание в

провинцию Цинхай, где он провел всю оставшуюся жизнь, посвятив свое творчество описанию жизни в степи.

Что демонстрирует состав китайского школьного канона? Он очевидным образом носит компромиссный характер, сочетая глубоко консервативное ядро и отдельные элементы, которые должны представить состояние текущей словесности. Программа включает довольно узкий круг обязательных для прочтения текстов, но дополнительные учебники и хрестоматии содержат даже имена, на определенном этапе не одобрявшиеся официозом. Это означает, что учителя в принципе могут обсуждать на уроках и современную авангардную литературу, хотя часов на это по программе не выделяется.

Так же, как в советской практике, необходимость чтения и работы с крупными произведениями, требующими значительного времени на изучение, обуславливала отказ как от разбора зарубежной литературы (объем которой сокращался), так и от монографического изучения жизни и творчества отечественных авторов и сосредоточения внимания на конкретных произведениях¹⁷. В пантеоне классики авторы литературы КНР мыслятся как наследники, завершающие великие традиции: не случайно в основном это авторы произведений крупной повествовательной формы, создатели нового соцреалистического эпоса. Одновременно происходит процесс «изнародования» великих писателей прошлого, самым ярким примером чего служит восприятие Цюй Юаня как «первого патриотического поэта Китая», ставшее каноническим после 1949 г. и вошедшее в таком виде в школьные учебники. Этот культовый статус затмил критические научные оценки историчности Цюй Юаня и атрибуции его текстов, которые сложились во времена поздней Цин и ранней Республики.

Применительно к литературному образованию насаждаемый культ «классики» позволяет решать все более сложную проблему отбора произведений, обостряющуюся в условиях накопления текстов и конкуренции со стороны «возвращённой литературы». Это соответствует общим процессам периода «реформ и открытости» с его поворотом к национально окрашенным ценностям и попыткам заново «пересобрать» китайскую национальную культуру. Сложный конфликт между интерпретацией реалий меняющейся КНР, ростом националистических настроений и желанием встроить и то, и другое в «марксистскую» систему в изводе китайского официоза порождает компромиссный канон, который объединяет в себе самые разные идеологические доктрины.

1. Guo, L. New Curriculum Reform in China and its Impact on Teachers // Canadian and International Education / Education canadienne et internationale: Vol. 41: Iss. 2. Article 6. 2012. 87–105. P. 87.
2. Zhong, Q., Cui, Y., Zhang, H. For revival of the Chinese nation, for every child's growth: Understanding "The compendium for curriculum reform of basic education (Trial ed.)." Shanghai, China: ECNU Press, 2001. P. 3.
3. Павловец, М.Г. Школьный канон как поле битвы. Часть первая: историческая реконструкция // Неприкосновенный запас. 2016. № 2 (106). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2016/2/shkolnyj-kanon-kak-pole-bitvy.html> (дата обращения: 16.07.2019).
4. Künzli R. Kanon des Lernens // Göhlich M., Wulf Ch., Zifras J. (Hrsg.). Pädagogische Theorien des Lernens. Basel: Weinheim, 2007. S. 24–25.
5. Путун гаочжун юйвэнь кэчэн бяочжунь (шянь) дии буфэнь: [Стандарт китайской учебной программы для средней школы высшей ступени (экспериментальный), часть I]. Официальный сайт издательства «Народное образование» (*Жэньцзюван*). URL: http://old.pep.com.cn/gzyw/jszx/tbjxzy/kbjc/kb/kcbz/201009/t20100909_887977.htm (дата обращения: 12.07.2019).
6. Отметим, что русская литература до 1917 г. также не была отдельным предметом и всегда входила в курс «русского языка» (См.: *Вдовин А.* Школьный литературный канон XIX века: что читали русские гимназисты? URL: <https://eksmo.ru/test/chto-chitali-russkie-gimnazisty/> (дата обращения: 12.07.2019).

7. *Пань Фу-энь*. Ши цзин // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. Т. 1. Философия / ред. М.Л. Титаренко, А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов. М.: Вост. лит., 2006. С. 623–625.
8. Лисао / пер. А. Ахматовой // Антология китайской поэзии. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. С. 149–161.
9. *Кравцова, М.Е.* Ли сао // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. Т. 3. Литература. Язык и письменность / ред. М.Л. Титаренко и др. М.: Вост. лит., 2008. С. 328–330.
10. *Кравцова, М.Е.* Кунцюэ дун нань фэй: [«Павлины летят на юго-восток»] // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. Т. 3. Литература. Язык и письменность / ред. М.Л. Титаренко и др. М.: Вост. лит., 2008. С. 317–319.
11. *Пань Фу-энь*. Ши цзи // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. Т. 1. Философия / ред. М.Л. Титаренко и др. М.: Вост. лит., 2006. С. 621–622.
12. *Egan R.* Expository Prose // The Columbia History of Chinese Literature / ed. Victor H. Mair. New York: CUP, 2001. P. 530–532.
13. *Kowallis, J.* Interpreting Lu Xun // Chinese Literature: Essays, Articles, Reviews (CLEAR). 1996. No. 18. P. 153–164.
14. *Goldman, M.* The Political Use of Lu Xun // The China Quarterly. Cambridge University Press on behalf of the School of Oriental and African Studies. 1981. No. 91 (91). P. 446–447.
15. *Lovell J.* China's conscience // Guardian. 12 June 2010, URL: <https://www.theguardian.com/books/2010/jun/12/rereading-julia-lovell-lu-xun> (дата обращения: 16.07.2019).
16. *Yeh M.* Chinese literature from 1937 to the present // The Cambridge History of Chinese Literature. Vol. 2. / ed. K.-y. Sun Chang and S. Owen. Cambridge: CUP, 2010. P. 595.
17. *Павловец, М.Г.* Указ. соч.